

К ИСТОРИИ КУЛАЧНЫХ БОЁВ НА РУСИ

А.А. Лебедев

Кулачные бои на Руси представляют такое характерное и своеобразное явление и такой интерес в развитии нашей культуры, что все, что относится до истории этого народного развлечения, разросшагося до грандиозных размеров и распространенного повсеместно в России, невольно останавливает на себе внимание. Мне лично, в юношеские годы, конца сороковых и в пятидесятых годах, приходилось быть зрителем кулачных боев в Москве, когда на Москве реке многотысячные толпы разного рода фабричных, мастеровых, торговцев, особенно из Охотного Ряда, мясников и даже гостинодворцев, сходились "стенка на стенку" и с гиками и криком бросались именно "стеной" - одна сторона на другую. Это совсем не была драка, ссора, вражда или что-либо подобное, а нечто вроде игрища.

Между тем удары наносились серьезно, причиняли ушибы и даже смерть. Кулачные бои существуют во многих странах, но всюду они носят характер или состязательный - единоличный, как, например, бокс в Англии, или поединка, что было и у нас в до-петровской Руси; но в том виде, какой они имеют в России, - в виде состязания огромных сборищ толпы, одна с другою, этого нигде и никогда не было. Удасть, избыток сил просились наружу и находили выход в таком своеобразном игрище. О кулачных боях очень мало сведений и напрасно станем искать их в истории или пособиях и монографиях; известия о них можно найти только в поучениях церковных и в мемуарах. А между тем о "кулачных боях" было немало правительственных распоряжений, и приходилось даже бороться с этого рода "спортом". [...]

Впрочем, несмотря на воспрещения правительства, кулачные бои продолжают еще существовать во многих местах обширного отечества нашего. Мне примерно известно, что они происходят в Самарской, Подольской и кое-где Полтавской губ., а вероятно и во многих других местах. Зимой преимущественно на святках, одна деревня выходит на другую, если они смежны, или же в своей деревне один конец становится против другого, и бой начинается. В воспоминаниях М.Л.Назимова 1812 - 1826 года ("Рус. вестн." 1876 г. N7 стр.81) довольно подробно описаны кулачные бои в Арзамасе, Нижегородской губернии. "Для кулачного боя", говорит он, "под вечер, в праздники по составленным заранее условиям, собирались около широкого моста, разделявшего город от села Выездного, стоявшего на противоположном берегу реки Теши (оно принадлежало Салтыкову и было не меньше города, заключая более трех тысяч душ преимущественно ремесленников - столяров, плотников, каменщиков) с одной стороны арзамасцы, а с другой выездновцы. Общий уговор - не бить по голове, особливо в лицо и лежащего, руки иметь в рукавицах и ни под каким видом не класть в них какой-нибудь тяжелой вещи. Сначала пускали вперед как-бы застрельщиков, мальчишек. За ними мало-по-малу группировались более взрослые, но главная партия противников оставалась в резерве, особенно известные по своей силе и искусству бойцы... Проигравшие битву для будущего боя делают новые совещания и выбор более сильных

и надежных бойцов. Местные власти, кажется, смотрели на этот дикий обычай сквозь пальцы, не имея вероятно предписаний начальства... Многие значительные в городе лица, поборники старины, считали эти забавы весьма полезными. Кулачные бои держались и в Москве (прибавляет М.Л.Назимов) около фабрик, даже в двадцатых годах."

Как я заметил выше, в Москве, зимою на реке дело происходило так: обыкновенно в праздник на льду реки постепенно, как бы случайно, собиралась и росла толпа простого "сераго" люда сперва смешанно, а потом расходившагося на две стороны - одна против другой, вдоль реки; разделял обе стороны промежуток сажен в десять. Толпа росла и гудела. Впереди, на свободном промежном пространстве, подпрыгивая и затрогивая один другого, скоплялось большое количество ребят и подростков - они-то и начинали наступление и открывали бой. По берегам реки теснились огромные толпы зрителей, особенно из купечества и даже именитаго. Приезжали в экипажах, многие, чтобы лучше видеть, становились на них или на скамьи, притаскиваемые из ближайших домов. Среди народа ходили сбитеньщики, торговцы "патоки с имбирем", гречневиков, пшенника, пряников. Вся эта картина представляла грандиозное народное гуляние с турниром, имевшем сейчас разыгаться перед зрителями. Здесь шли споры, заклады, имелись свои излюбленные бойцы и силачи, за которых держали пари. Богатые гостинодворцы-любители привозили с собою специальных кулачных бойцов, пользовавшихся славой, их даже нарочито выписывали из провинции.

В кулачных боях принимали участие и татары, жившие на Москве в большом количестве. Татарская слобода существует и доселе. И так толпы на реке росли и представляли уже собою две армии, готовящиеся к наступлению друг на друга. Шли толки, споры, похвальбы... Конечно, у некоторых были спрятаны "закладки" свинчатки, - это куски свинца, железа, даже камни, увеличивавшие силу удара. Но эти закладки жестоко преследовались на кулачном бою, и горе тому, у кого их обнаруживали. Толпа в таких случаях была беспощадна; тут не только противная сторона, но и свои набрасывались на виновника и били нещадно "смертным боем", иногда и забивая до смерти.

В боях существовали свои правила и условия, очевидно, установившиеся с глубокой древности и традиционно исполнявшиеся на всех кулачных боях - повсеместно, напр. "лежачего не бьют", по виску или под микитки тоже и др. И так дело начиналось застрельщиками-мальчишками, которые, галдя и дразня противную сторону, выскакивали одиночками, наносили один другому удары, сшибали с ног и опять убегали "к своим". Отдельные столкновения учащались, уже группами, с гиком и ораньем нападали одни на других. "Стенки" сходились, и вот... с страшным гулом, свистом, криками, как прорвавший плотину поток, стремительно бросалась "стенка на стенку" - начинался настоящий бой.

Собственно ничего ужасного или отвратительного кулачный бой не представлял. Видно было, как два потока сшибались друг с другом, как они, точно волны - колыхались и то отступали, то набегали друг на друга. Среди этих стенок резко видны были "бойцы и силачи", излюбленные и славившиеся иногда не только в своей окрестности, но и далеко на Руси.

Так в половине тысяча семисотых годов и долго потом славились в "стенках" казанские суконщики; а из отдельных бойцов - тульские: Алеша Родимый, Никита Долговязый. Пыляев говорит, что

в 1796 году победителем долго славился целовальник Гордей (Стар. Петерб. 1893 г. стр. 423, Энцикл. Слов. Березина).

Грозно поднимались их руки, грузно опускались на противников, и те валялись как пешки в кеглях под ударом шаров, - многие просто отбегали, и кругом бойца образовывалось свободное пространство. - Ну, выходи, выходи!!! - вызывали бойцы противников более или менее себе равных, и если находился такой - образовывался бой в одиночку - поединок. Победа одного из единоборцев иногда решала бой, и побитая сторона обращалась в бегство, а иной раз бой и продолжался. Общая свалка принимала гомерические размеры; страсти разгорались, и наконец одна из стенок стремительным натиском сламывала противную сторону и обращала ее в бегство. Ряды беглецов разстраивались, они уже не защищались, и вся масса неслась теперь в одном направлении - вдоль реки. Преследуемые и преследующие смешивались, и только в отдельных случаях видно было, как поднимались кулаки и наносились удары; в спину - в убегающих бить воспрещалось, можно было драться только лицом к лицу.

Однако с опрокинутой стенкой и бегством одной стороны дело не всегда кончалось; "опрокинутые" поворачивали, сплотнялись и в свою очередь превращались в нападающих, а иногда в окончательных победителей. После каждого, в особенности очень многолюдного боя, непременно были тяжело побитые, увечные и даже убитые. На утоптанном снегу, по льду реки, оставались лежавшие без движения тела, товарищи убирали их и уносили с собою, или вмешивалась полицейская власть. Жертвы невольного, случайного изувечения не могли бы даже указать виновного, если это не было делом мести, вражды... Да и как уберечься, когда в разгаре страсти, в толпе, наносимый удар приходится неумышленно по такой части тела, что причиняет вред, или даже смерть. Один из таких случаев произошел в 1823 году, во время путешествия Государя Императора Александра I-го на Юг. В Пирятине, 20-го июля был кулачный бой и на бою этом, прибывший из Кременчуга мещанин Иван Герасимов убил до смерти пирятинского мещанина же Трофима Сыроватникова. Командир расположенного в Пирятине Егерского полка, Морозов, донес об этом случае Его Величеству, Очевидно Государь Император был недоволен и огорчен происшествием - приказал исследовать его и Высочайше повелел, указом от 20 октября, через военного министра, - кулачные бои воспретить. (Пол. Собр. Зак. № 29627).

Кулачные бои происходили почти исключительно зимою, и преимущественно на масляной, великом постом и по воскресеньям; в Москве собирались на реке под Симоновым монастырем, под Девичьим, у гор Воробьевских, и в окрестностях фабрик. В Петербурге на Неве, на Фонтанке, где бились охтяне с фабричными и где злобные чухонцы обращали забаву чисто русскую и незлобивую в бойню - они пускали в ход ножи и наносили кровавые раны... (Смотри Указ 1726 года). Потом бились у Стекланного и Фарфорового заводов, на Адмиралтейской стороне - на лугу ("на Зеленом Поле"), позади двора графа Апраксина и в других местах, как, например, в праздничные дни, скоплялись толпы простонародья, на Аптекарском острове, в Екатерингофе и даже у Зимнего Дворца. Кстати сказать, что в Москве, в старину бились и на перекрестках, а из указа 1640 года видно, что излюбленные места были в Каменном, Белом и Земляном городе. Как было замечено, кулачные бои существуют у нас с незапамятных времен. В летописи Нестора (по Никонову списку, изд. Академии Наук 1767 г. т. I стр. 157-я) под 1068 годом говорится: "Себо не погански ли живемъ... нравы всяческими льстими, превабляеми отъ Бога,

трубами и скоморохи, и гуслими, и русальи; видимъ бо игрища уточена, и людей много множество, яко упихати другъ друга позоры деюще отбеса замышленого дела."

В 1274 году митрополит Кирилл (первый киевский митрополит после татарского нашествия), при развившемся неурюстройстве в духовенстве и народе, собрал во Владимире собор, на котором между иными правилами постановлено: "отлучать от церкви участвующих в кулачных боях и боях "коляями", а убитых не отпевать; правила эти вошли в Кормчую книгу и служили руководством для духовенства, под строгой ответственностью за неисполнение. Далее о кулачных боях говорится в послании Святит. Ионы митрополита Московскаго (сконч. 31 марта 1461 г.). О них упоминает и Герберш[т]ейн в записках о Московии. В обширном изследовании В.Жмакина: "Митрополит Даниил и его сочинения" (1515 - 2539), между прочим, говорится: "Одним из народных увеселений русскаго общества XVI в. служили кулачные бои", против чего и вообще против всяких "позорищ" горячо протестовал знаменитый оратор того времени митрополит Даниил. Николай Иванович Костомаровъ, въ своемъ сочинении: "Очерк домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII веке", Спб. 1860 г., - с негодованием относится к этому народному развлечению, хотя и находит, что оно способствовало к развитию силы и ловкости и воспитывало воинския доблести. "Зимою в праздничные дни", рассказывает он, - "чаще всего на льду, народ собирался на кулачные и палочные бои. Охотники собирались партиями по данному знаку свистком, обе бросались одна на другую с криками;... тут же били в накры и бубны;... бились неистово, жестоко, и очень часто многие выходили оттуда калеками, а других выносили мертвыми. Палочные бои имели подобие турниров и сопровождались убийствами еще чаще кулачных боев.."

Составляя любимую и обычную забаву, кулачные бои вовсе не были так мрачны, дики и жестоки, как представляются они Н.И.Костомарову и многим иным, находящим в них нечто грубое, зверское... Противники, недавно бившиеся и беспощадно старавшиеся "сломить стенку", по окончании битвы, мирно и добродушно шли вместе в "кружала", шинки, кабаки и харчевни, где и велись жаркие споры и оценка событий боя и ловкости того или другого бойца. Что касается печальных и несчастных случаев, то - при том уровне развития моральнаго и общественнаго, на котором стоял тогда, да стоит и до сих пор простой народ (и не один он), все эти случаи вызывали только соболезнование, но не осуждение. Это подтверждается и тем, что кулачные бои привлекали не одних простолюдинов, а все классы общества интересовались ими и не только косвенно - организуя, так сказать, бои, поощряя бойцов, выписывая и вывозя их иногда издалека; но даже лично принимали участие, особенно в единоборстве и приобретали известность (См. "Рус. Вестн." 1876 г. стр. 81. Записки Назимова. - Пыл. Стар. Пет. стр. 424.) В Москве, а отчасти и в Петербурге, кулачные бои особенно процветали в XVIII и до половины XIX века. Это был период полного их развития. В это время между иными страстными любителями кулачнаго боя (как напр. гр. Раstopчин) (Ровинский, Рус. народ. карт. Спб. 1900 г. ч. 2, стр. 359). выделяется особенно знаменитый Чесменский герой граф Алексей Григорьевич, Орлов-Чесменский, хотя и брат его, князь Григорий Григорьевич, также был знаток и любитель этого спорта, но более случайно, более так сказать, мимоходом, между прочим. ("Рус. Арх." 1904 г. Стат. Голомбиевскаго: Кн. Гр. Григ. Олов. Стр. 373, 383, 386.)

Орловых было пять братьев, было пять молодцов, из которых двое: Григорий и Алексей выдавались по своей необычной силе, по удали и молодечеству, напоминая старинных богатырей русских.

Отец их, Григорий Иванович Орлов, был в 1742 году новгородским губернатором (род. 1677 г. умер в 1742 г.) и воспитывал детей в строгом патриархальном порядке, который и держался в семье Орловых до смерти старшего в роде - брата Ивана, имевшего всех их в повиновении. Князь Григорий был высокого роста, с правильными и нежными чертами лица "гигант с головой херувима". Неустрашимый и отважный, он отличался и беззаветной храбростью. В 1758 году, в сражении при Цорнсдорфе, состоя в чине капитана пех., три раза был он ранен и не оставил поля битвы. [...]

...Таким же, если не большим любителем боев на кулачки, как князь Григорий Орлов в Петербурге, сделался впоследствии известным в Москве знаменитый граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский. Личность во всяком случае замечательнейшая. Обладая всеми достоинствами брата - красотой, благородством, прямодушием, а физической силой даже значительно превосходя его (ударом сабли отсекал он голову быку, одной рукой останавливал шестерку лошадей и т. п.). [...]

...Зимой на бегах, сам граф, в малиновой бархатной шубе, ездил на любимых рысаках "Любезном" и "Катке"... Перед беседкой при доме Орлова пели и плясали цыгане, потом завязывался "кулачный бой"... Граф Орлов любил народ и его любили крепостные его крестьяне, а особенно многолюдный штат дворовых. Державин писал:

Я под качелями гуляю,
В шинки пить меду заезжаю,
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к премене,
Имея шляпу на бекрене,
Лечу на резвом скакуне...
Или музыкой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух.

Соч. т. VI, стр. 127. Дм. А. Ровинский в соч. своем: Рус. народ. картинки (Спб. 1900 г., т. 2, стр. 355) тоже указывает на графа Алексея Орлова, как большого любителя кулачных боев...

"Особенною известностию пользовались кулачные бои, говорит он, происходившие в присутствии страстного охотника до них, графа Алексея Григорьевича Орлова, перед зимним его домом, что в Нескучном; в этом доме устроен был фонарик, из которого граф Орлов смотрел на бой. Перед боем

привозили целыми возами кожанья рукавицы; сбирались партиями фабричные с разных фабрик, целовальники и мясники; случались охотники из купцов, в меховых шубах и даже из господ. Вся орава разделялась надвое и выстраивалась друг перед другом в две стены; драку начинали, в небольших боях, - "заводные" один на один, потом шли все остальные стена на стену; запасные бойцы стояли в стороне и принимали участие в драке только тогда, когда их стену начинала теснить противная стена".

Еще, как о страстном любителе кулачного боя, чуть ли не больше своего родителя, Ровинский рассказывает о "сыне" графа Алексея Григорьевича, не называя его по имени. [...]

...молодой Чесменский отличался необыкновенной силой и страстно любил кулачные бои. Под Девичьим монастырем, на громадном поле или на Москве-реке выставлялась на боях этих особая полатка, где окруженный знакомыми и любимцами-силачами, он следил за ходом боя и иногда выходил драться сам, но только один на один. Особенными фаворитами его были небольшого роста, худощавый и невзрачный с виду - приказной чиновник "Ботин"; такой же невзрачный фабричный "Соколик", оба они обладали выдающейся силой и притом ловкостью и изворотливостью в боях. Но особенно Семен Трещалы - громадного роста и силы непомерной, тоже фабричный, один валивший (т. е. опрокидывавший) "целая стенки" и кулаком выбивавший кирпичи из печки, о чем А.Ровинский сам слышал от очевидца. Слава этого бойца - Трещалы была так распространена, что известный поэт и баснописец Александр Ефимович Измайлов делает его предметом своей сказки: "Кулачные бойцы", в которой рассказывает случай из похождения этого Семена Трещалы:

В Москве фабричный был Семен, силач-боец (известный под кличкой Трещалы. Пр. авт.)

Зараз из печи изразец

Своею вышибал железной пятернею, Когда же, на бою являлся пред стеною

(т. е. стеной, или "стенкой" - толпы дерущихся... Прим. автора.)

Все опрокидывал и гнал перед собою.

Страх, ужас перед ним,

А клики радости и похвала за ним.

По окончании сраженья,

Героя нашего ведут все с торжеством

В питейный дом

Для угощенья.

Далее рассказывается, как он однажды, после битвы, наугощался до того, что упал и заснул на берегу, об этом сообщили двум врагам его - будочникам, которые связали и сильно его избили...

Не велено лежачих бить,

Безсильному грешно уж мстить;

И как же с теми драться,

Кто средств лишен обороняться. В другой сказке "Гордей с фонарем" (стр. 168) Измайлов осмеивает петербургского бойца Гордея по прозванию "Чугунный Лоб", о котором упоминает Пыляев (Пыляев. Стар. Пет., 1893 г. стр. 423).

Лихой был в старину у нас боец кулачный,

Гордей - "Чугунный Лоб", мужик не так-то взрачный,

Он правда силы не имел

И биться не умел,

За то был смел.

Идет Гордей однажды с бою,

Повесь голову; Ай! ай!

Кричит, с ним встретившись, насмешник Ермолай:

Что сделалось, Гордей, с тобою?

Добро бы ночью, а то днем

Идешь ты с фонарем!

Да бились мы теперь вдвоем...

С кем? - С Алексеем Колотушкой,

Да ты как будто из воды?

Мокрехонек как мышь? - Я на Фонтанке бился,

Погорячился, оступился,

И в полынью попал...

С половины XVIII и до половины XIX века кулачные бои особенно процветали, и преимущественно в Москве и Петербурге (хотя и провинция не отставала, как видно было это из записок Назимова, приведенных выше), причем влияние гуманных Орловых сильно отразилось и на этой, чрезвычайно своеобразной и, как говорит секретарь саксонского посольства в С.- Петербурге Гельбиг, "исключительно русской забаве" ("Рус. Стар." 1886 г. № 10, стр. 4). Как видно было из изложенного, - Орловы, а с ними вместе и по их примеру многие из интеллигентного общества принимали в боях личное участие, как, например, гр. Растопчин и др., не говоря уже о "купцах в лисьих шубах". Поэтому и самые бои приняли более безобидный и, так сказать, безвредный характер. Гр. Алексей Орлов-Чесменский, напр., приказывал привозить на свой счет кожанья рукавицы, которые и доставлялись возами, для раздачи желавшим участвовать в бою и т. п.

И если в XVI - XVII веке, по описанию Н.И.Костомарова, бились беспощадно "бойцы поражали друг друга в грудь, в лицо, в живот, - бились неистово, и жестоко, и очень многие выходили оттуда калеками, а других выносили мертвыми," то в XVIII веке кулачные бои приняли другой вид. Вот как смотрел на них А.Д.Ровинский, сам лично их видавший и слышавший от очевидцев: "Несмотря на все запрещения производить кулачные бои, они все-таки производятся зачастую и в наше время, да особенной опасности в них для народного здоровья и нравственности с деревенской точки зрения не видится: до смертных случаев, при честных условиях боя, никогда не доходит, кому не под силу, тот под ноги (т. е. умышленно падает), а "лежачего не бьют"; и кончается себе бой тем, что молодцы на добром морозце друг другу бока погреют, да носы подрумянят".

Да и Н.И.Костомаров, хотя и иронически, но замечает: "на них русские приучались к ударам, побоям, которые вообще были неразлучны со всем течением русской жизни и делали русских неустрашимыми и храбрыми на войне". Закончим же об Орловых словами Ломоносова, посвященными кн. Григорию...

Блажен родитель твой, нам дав таких сынов

Не именем одним, но свойствами орлов...

Кулачный бой, как распространенная и обычная забава, имел разновидности: самым несложным характером отличалась так называемая 1, "Сцеплянка-Свалка", а затем уже более организованная форма, вроде турнира или примерного сражения была битва двух противных сторон - это 2, "Стенка на стенку", и наконец, - 3, "Один-на-один". "Сцеплянка" представляла собою неустроенное сборище толпы, в которой противной стороны не имелось, а бились все вразсыпную, кто с кем попало и кто кого одолеет, в толпе, без разбору. Эти свалки были всегда небольшие и безобидные. "Стенка на стенку" представляла уже нечто стройное, где различались стороны - своя и чужая, где слава о победе распространялась далеко и ею гордились, здесь часто одна деревня или половина деревни, или одна половина города становилась противу другой половины.

Соревнование, конечно, было - большое... Обе стороны разделяло более или менее обширное пространство, имелись у каждой стороны резервы из славившихся известных бойцов и силачей, до времени не принимавших участия, которые ожидали в стороне и пускались в бой, когда своя партия ослабевала, поддавалась, отступала или "опрокидывалась", т. е. обращалась в бегство., или, для довершения полной победы примыкали к преследующим. Бой "Один-на-один" иногда предшествовал общему, а при победе одного из бойцов сопровождался уже нападением стороны победившего на сторону побежденного. Конечно, победа одного из единоборцев еще не обуславливала победы всей стенки... Битва только принимала более страстный характер. Победителей, по окончании боя, продолжавшагося иногда и час и два, с триумфом вели на угощение.

Большая толпа как из победителей, так и из побежденных с гиканьем и криками, а в старину еще и с битьем в накры (литавры) и бубны... Костомаров говорит в "Оч. домаш. жиз. и нравов Великорус. нар., XVI - XVII в." Спб. 1860 г. стр. 142. "что в старину вероятно существовал обычай "увенчивать" удалых и ловких, как это показывает старинная поговорка: "без бойца нет венца"..."

Но, кажется, на Руси у нас ничего подобного не было, и венков или увенчаний не происходило, на мужчин их не надевали и не увенчивали. Венок по русским обычаям - это принадлежность женщины, и есть убор и украшение скорее девичье. Увенчание же, о котором говорит пословица, надо понимать в переносном смысле, и состояло оно единственно в торжественном шествии, с поля состязания в корчму, в шинок, или кружало, с гиканьем и гамом, и непременно в угощении и пирушке, о чем Измайлов говорит в своей сказке:

По окончании сраженья,

Героя нашего ведут все с торжеством

В питейный дом

Для угощенья....

Итак, бой "Один-на-один" или "Сам на сам" бывал скорее случайным, иногда при споре, закладе или просто хотели померяться силами. В такой бой, а чаще в борьбу, представлявшую уже вторую, слабейшую степень забавы, вступали и высокопоставленные особы и разного ранга и общественного положения лица. В известном собрании лубочных и старинных народных картинок А.Д.Ровинского нет изображений кулачных боев целыми сборищами и толпами народа, но изображения одиночных схваток имеются. (Небольшая стенка показана на картинке № 92 - А.Г.).

Так на стр. 363, ч. 2, рис. № 270, с подписью: "Добрые молодцы кулачные бойцы" изображены двое бьющихся на кулачки; оба они в колпаках, причем один в лаптях, а другой надел на одну ногу бурак. Подпись на картинке гласит: [см. выше текст № 198 и 199 - А.Г.]

...На другой - крестьянин в поддевке, в лаптях и в шляпе вступает в борьбу с военным в треуголке и форменном казакине. Крестьянин говорит: "Очень ты господин военный поступаешь и своим поступком

меня устрашаешь. Ведай я и - сам, что ты, хороший борец". Военный отвечает: - "Слышишь ли, старик, За меня берися, да то лишь честно борися". Что касается вообще борьбы, то она существовала у всех народов так сказать "искони", следы ее находятся еще в истории евреев, и потом особенно процветала борьба в Греции и оттуда уже, еще до Рождества Христова, перенесена в Рим (Эмилий Паулли в 169 году до Р.Х. устроил в Амфиполисе "греческия зрелища").

Но здесь борьба никогда не пользовалась почетом и на атлетов смотрели с презрением и даже осмеивали их. На Руси единоборство служило не забавой и развлечением, но зачастую применялось и на войне. В летописях рассказываются случаи борьбы и силы истинно богатырской и поименовываются богатыри, прославившиеся в битвах и борьбе со врагами (Рус. Лет. по Никон. спис. Изд. Акад. Наук. СПб. 1767 г. ч. I, стр. 106, 110, 129 и др., ч. II, стр. 105, 196, 330 и др.).

Последний вид "кулачного боя" - "Сам-на-сам" применялся у нас и как судебное доказательство, - как "поединок" с незапамятных времен; - он служил, для окончательного подтверждения правоты ответчика в судебном деле. Такое единоборство называлось "поле", и обвиняемый призывал обвинителя к "полю". Условия состязания определялись и выбирался их способ и оружие. Древние памятники перечисляют эти и оружия и орудия, которыми пользовались тяжущиеся в таком "Суде Божиим". Так в древнейшем, после Ярослава, судебнике Иоана III от 1497 г. говорится, чтобы при поединках посторонние (т.е. зрители) не присутствовали. "А к "полю" приедет окольник и диак, и спросит исцев, ищии и ответчиков кто за ними стряпчей и поручники, и тем велети и стояти, "а доспеху и дубин и ослопов" стряпчим и поручником у себя не держати". По поводу этой статьи Карамзин замечает: "... из сего не справедливо заключали, что бойцы сражались у нас ослопами и дубинами.

В договоре князя Мстислава Давидовича Смоленскаго с Готландией и немцами в ст. 11 упоминаются оружия на "поле" мечи и сулицы". Карамзин о судебных поединках говорит следующее: -"Обвиняемый требовал присяги и "Суда Божия": требуя "поля" и единоборства, - говорил он. Каждый мог вместо себя выставить бойца... Избирали любое оружие, кроме огнестрельного и лука. Сражались обыкновенно в латах и в шлемах, копьями, секирами, мечами, на конях или пешие; иногда употреблялись и кинжалы. (Ист. т. VI, стр. 226)

Но и кулачное состязание было в ходу. Известно, что в Москве, для поединков, в самом центре города, на Троицкой площади, у ворот Ильинских было отведено особое место, которое и называлось поле (там же, т. VIII, стр. 26). Собственно название "поединок" и не употреблялось ни в устной речи, ни в законе, а имелся термин "поле" или "прошу поля". Существование у нас этого рода доказательств правоты восходит ко временам глубокой древности. И если следов его не находится в "Русской Правде", то в упомянутом выше договоре Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича с Готландией и немецкими городами, под 1228 годом говорится (ст.11): "Русину же не лзе позвати немчица на "поле" или немецкий гость бится в Руси межи собою - меци или сулицами Князю не надобе и никакому русину, а правити сами по своему суду."

Поле или поединки фактически прекращаются со смертью Ивана IV Грознаго. В царствование Феодора Ивановича (1584 - 1598 г.) известий о них уже не встречается (Карамзин, т. IX, примеч. 803). Как видно, поле имело значительное применение в тяжёбных дела, вплоть до конца XVI в. В Судебнике

Государя Иоанна III, от 1497 г. и Царском Судебнике Ивана Васильевича IV или Грозного такой поединок занимает не последнее место, и ему посвящено более 10 статей. "Если истец представит несколько свидетелей, причем одни будут говорить в его пользу, а другие против него, то первые имеют право требовать "поединка" с последним". (Беляев, Ист. Рус. Законод., 1879 г., стр. 520).

Судебный поединок должен был совершаться при окольном и дьяке, которые, прибыв на "поле", спрашивали: кто у них стряпчие и поручники, и эти лица должны были присутствовать при поединке, но никакого оружия при себе не иметь. Посторонние не допускались. Поединок мог происходить и между истцом и ответчиком, и между их свидетелями. Малолетним, старикам, женщинам, попам, чернецам и черницам лично биться запрещалось, но безпрепятственно дозволялось нанимать за себя бойцов. Таким образом бились иногда не только один-на-один и при том посторонние - наемные бойцы, но и целые группы свидетелей противных сторон. В "Судебнике" 1497 г. читаем: "А битися на поле бойцу с бойцом или не бойцу с небойцом, а бойцу с небойцом не битися". Отсюда очевидно, что еще в глубокой древности были специальные кулачные и другие бойцы, заявившие себя на боях и которых можно было нанимать за себя.

Духовенство, однако, настойчиво возставало против поединков и не признавало за ними силы доказательной, а напротив - считало деянием богомерзким и карало участников по церковным законам, жестоко и беспощадно, идя в разрез с установлениями гражданскими... И надо полагать, что это церковное осуждение немало содействовало уменьшению и совершенному прекращению поединков при Феодоре Иоанновиче, потому что во все время его царствования, 1584 - 1598 г., известий о них, как было сказано, не встречается, надо полагать, что фактически они не применялись, и если были случаи, то единичные и исключительные, хотя официально отмененные в 1556 г. законами Ивана IV дополнительными к судебнику деда его от 1497 г.

Вопрос о возникновении и существовании у нас на Руси "поля" - поединков, требует специального изучения; полагать надо, что это обычай совсем не русский и принесен к нам с запада, вместе с появлением иностранцев, вносящих к нам и свои воззрения на обрядности жизни. Как это видно из Смоленского договора 1228 г. (Стат. II. "Русину же не льзе позвати Немцыча на поле в Смоленске, ни Немцию в Риге и на Готскомъ березе". Значит, поединки на Готском берегу существовали. Карамз. (т. IX, стр. 281) называет поединки обыкновением времен рыцарства и невежества.)

Возвращаясь к "кулачным боям", необходимо остановиться на законоположениях о них, которые выработала сама жизнь, и которые входили в круг нашего законодательства. По народным воззрениям и народному "обычному праву", выработавшему свои нравственные правила и взгляды на многия роды общественных отношений и общежития (напр. снохачество), невольный убийца ни суду, ни наказанию не подлежит. Так, в древнейшем памятнике нашего законодательства, которым руководствовались правосудие вплоть до судебныхников, т.е. до XVI века, - в "Русской Правде" стат. 4 (Троиц. и Карамз. спис.) говорится... "но оже будеть убиль оже в сваде или в пиру явлено, то тамо ему платити по вервине, еже ся прикладывають вирую." То-есть пеню за убийство платит не сам невольный убийца, а целая община - вервь, к которой принадлежит убийца. Этот взгляд живет в народе и до сих пор: в Высочайшем Ея Величества указе от 1726 года, по поводу кулачных боев говорится: "от которыхъ боевъ, есть и не безъ

смертныхъ убийствъ, которое убийство, между подлыми и въ убийство и в грехъ не вменяютъ." (Пол. Собр. Зак. № 4939) Правительство, в тесном смысле слова, не поощряло, но и не преследовало "кулачных боев" и положительного - повсеместного воспрещения их не встречается в узаконениях вплоть до выхода полного собрания законов в 1832 году (т. 14, ст. 198), хотя кулачные бои, существуют до сих пор во многих местах.

Несмотря на то, что "кулачные бои" представляли собою забаву, безобидное народное развлечение и, повидимому, не могли равняться с полем, во всяком случае обычаем жестоким - не христианским и непременно кончавшимся несчастливым для одной из сторон, но только и в этой "забаве" духовенство наше, на которое постоянно слышались и слышатся незаслуженные нападки, осуждения и даже охуления, видело в них грубое и жестокое направление, развращающее нравственность и противное учению апостольскому и церковному, и издавно осуждало кулачные бои, как забавы богомерзкия и наваждение бесовское. Чуткое и высокохристианское, только оно и могло влиять и влияло на дикие и грубые нравы тех дикарей, среди которых ему приходилось и по сие время приходится паломничать и подвизаться, то в Костромских лесах и дебрях, то на вершинах Алтая, то в захолустьях Олонца и какого-нибудь Пустозерска, безвыходно, безпросветно, в диких углах между тьмы невежества и варварства"... И оно смягчало нравы, оно вливало Христовым учением то благодушие и незлобие и покорность судьбе, которым мы дивимся в народе диком и необузданном, приписывая это природному характеру. В лице своих архипастырей оно же влияло и на высшие классы [...]

Ограничение и запрещение боев началось в XVII столетии. С развитием культуры, когда Россия вошла в сношения с западными народами и когда воззрения высших слоев общества более и более смягчались и жестокость, хотя очень медленно, но погашалась, а жизнь принимала и усваивала гуманные взгляды Запада, и правительство наше, всегда шедшее впереди народа, стало изменять взгляд на кулачные бои, находя их уже забавой вредной и жестокой, забавой развращающей нравы, зверством - безчеловечностью. Еще до Уложения Алексея Михайловича, в 1641 г., декабря в 9 день Государь Царь и Великий Князь Михайла Феодорович всеа Руссии указал: "которыя всякия люди учнуть биться в Китае, и в Беломъ каменномъ городе и в Земляномъ городе и тех людей имать и приводить в земский приказъ и чинить наказанье" (Акты Ист., т. 3, стр. 92).

Этот указ, конечно, характеризует изменение взглядов правительства на кулачные бои, оно не воспрещает их повсеместно, как то говорит И.Д.Беляев и Истор. Законодат. (Издан. 1879 г., стр. 560), а указывает только на одну Москву, как столицу, да и в ней-то обозначает границы, где кулачные бои не дозволяются. (Значит, в других местностях они не возбранялись). В Уложении 1648 г. и поле, т.-е. поединки, как окончательное доказательство в суде, правоты, - совсем упраздняется (гл. 10), а вместо того тяжущимся предоставляется право ссылаться на сторонних людей поименно и на повальный обыск, а самый поединок заменился пыткой, которая не была обязательна и представлялась на волю тяжущимся, их свидетелям и обыскным людям (Бел., стр. 663). Более решительное повеление последовало в 1684 году, хотя и оно как бы касается только Москвы, опять-таки как столицы и резиденции Государя, где такие забавы, как кулачный бой, не были удобны. Да при том указ этот говорит не исключительно о кулачных

боях, но и других нарушениях общественного благочиния, - о воспрещение стрелять в домах из ружья и ездить извозчикам "на возжах", относя, таким образом, кулачные бои просто к нарушению благочиния.

Указ этот последовал с боярским приговором. Собственно о боях в нем говорится следующее:

"Московскихъ и всякихъ чиновъ людемъ сказать изъ Розряду в домехъ своихъ сами изъ какова ружья не стреляли и людемъ своимъ стрелять не велели, такожь въ домехъ своихъ людемъ своимъ приказали накрепко, чтобъ они нигде кулачныхъ боевъ не заводили, и на те бои не ходили... а которые люди ихъ на кулачныхъ бояхъ будутъ изыманы и темъ быть в жестокомъ наказаньи и въ ссылке; и о томъ в Розрядъ послать память, а въ приказы, в которыхъ ведомы слободы, послать о томъ памяти, - чтобъ во всехъ слободахъ о томъ потомужь учинили заказъ крепкой... о кулачныхъ бойцахъ и о стрельбе изъ ружья велеть на Красной площади и по крестцамъ, где извозчики становятся и кулачные бои бывають, бирючемъ кликать не по одно время... А которые изыманы будутъ на кулачныхъ бояхъ и темъ чинить наказанье, бить кнутомъ и ссылать в Сибирь и в иные города на вечное житье... и о томъ сей Ихъ Великихъ Государей указъ записать на стенномъ карауле впредь до ведома, в книгу, да стеннагожь караула по воротамъ (т.-е. городскихъ воротъ, напр. Тверския ворота, Калужския и др.) и по всемъ переулкамъ разослать письма, а въ техъ письмахъ написать, чтобъ оне караульщики, буде, где - сведають и услышать кулачныя бои, извещали на стенномъ карауле... буде кулачныя бойцы изыманы будутъ, где близко караулу, а отъ нихъ караульщикамъ в томъ извету не будетъ, и темъ караульщикамъ за тое неосторожность быть въ наказанье" (Пол. Собр. Зак. № 1093).

Вслед за тем в 1686 году, марта 19, в Высочайше утвержденных статьях объезжим головам, для наблюдения за благочинием, включена статья под № 5, относящаяся к кулачным боям и категорически воспрещающая их повсеместно; она говорит: "Которые люди изыманы на кулачныхъ бояхъ; и темъ людемъ за те ихъ вины чинить за первый приводъ бить батоги, и имать приводныя деньги по указу, за другой приводъ бить кнутомъ, да имать приводныя деньги вдвое, а въ третий темъ чинить потомужь жестокое наказанье, бить кнутомъ и ссылать въ ссылку въ Украинные города на вечное житье" (№ 1181). Наказание, повидимому, очень суровое, но по тому времени, ужасному по своим ужасным жестокостям, "битье кнутом и батоги" представляло одну из легких степеней наказания. Однако, и после этих указов кулачные бои все-таки продолжали существовать. Указы писались, издавались, но мало применялись и исполнялись, что и не удивительно при такой бесконечно обширной территории, при отсутствии дорог и пр. Особенно в настоящем случае, где обычай вкоренился повсюду и где виновных было не отыскать или виновными оказывались сотни и тысячи людей.

Да и самые взгляды правительства еще не установились и были неопределенны. В данном случае подтверждением этому может служить непосредственно следующее за предыдущим, Высочайшее повеление 1726 года, не только не воспрещающее кулачные бои, но и признающее их существование, как народной забавы, и даже регламентирующее порядок пользования ею, воспрещающее лишь злоупотребления в ней, причинявшаи участникам вред или умышленные побои и увечья. Указ этот настолько любопытен, что он приводится дословно. "Понеже Ея Императорскому Величеству учинилось известно, что въ кулачныхъ бояхъ, которые бывають на Адмиралтейской стороне на лугу, позади двора графа господина Апраксина и на Аптекарскомъ острове и въ протчихъ местахъ во многолюдстве, отъ

который боевъ случается иногда, что многия, ножи вынувъ за другими бойцами гоняются, а иныя въ рукавицахъ положи ядра и каменя и кистени, бьютъ многихъ безъ милости смертельными побоями, от которыхъ боевъ есть и не безъ смертныхъ убойствъ, которое убойство между подлыми и въ убойство и въ грехъ не вменяютъ, также и - пескомъ въ глаза бросаютъ: чего ради ныне Великая Государыня Императрица, для охранения народа, указала: по имянному своему Императорскаго Величества указу, темъ кулачнымъ боямъ при Санкт-петербурге безъ позволения главной полицеймейстерской канцелярии не быть, а ежели кто те кулачные бои будутъ безъ позволения иметь, то те люди будутъ наказаны, смотря по состоянью вины и дела; а кто впредь къ такимъ кулачнымъ боямъ, для увеселения будетъ иметь желание, то имъ выбравъ межъ себя соцкихъ, пятидесяцкихъ и десяцкихъ, являться въ главной полицеймейстерской канцелярии, где ихъ имена записывать, и для того бою показывать указныя места изъ полиции; но только и въ техъ местахъ онымъ - юоямъ быть под присмотромъ техъ соцкихъ и прочихъ, чтобъ имъ означенныхъ продерзостей отнюдь не чинить, и за ними смотреть имъ въ такой силе, что имъ каждого своего десятку или сотни осмотреть, чтобъ у нихъ никакого оружия и прочихъ инструментовъ ни подъ какимъ видомъ къ увечному бою не было, какъ выше показано, да и во время того бою, и дракъ между собою-бъ не чинили и кто упадетъ, лежащихъ никого не били-бъ; а если напротивъ вышеописаннаго будетъ поступлено, то какъ съ теми соцкими и пяти и десяцкими, также и съ бойцами поступать противъ вышеписаннаго-жъ, чего надсматривать и отъ главной полицеймейстерской канцелярии; и для того при Санктпетербурге публиковать и у приказу приказать, дабы неведениемъ не отговаривались. Данъ июля 21, - 1726 г. (№ 4939)".

Спустя 18 лет, Государыня Императрица Елизавета Петровна уже иначе взглянула на кулачные бои и снова не воспрещая их повсеместно в империи, именным указом 3 июля 1743 года "изволила изоустно указать" - "никому кулачныхъ боевъ, какъ въ Санктпетербурге, такъ и въ Москве не заводить и не биться, чего накрепко смотреть главной полиции" (№ 8754). Что законы и распоряжение так нерешительныя и если можно сказать неустановившияся, столь же медленно проводились и в исполнение, даже Высочайшия повеления, можно видеть изъ переписки по поводу настоящего указа. Только спустя восемь лет 6 декабря 1751 года он был сообщен из главной полицеймейстерской конторы в контору от строений и там составлена "промемория" следующего содержания: Промемория. Изъ главной полицеймейстерск. канцелярии въ канцелярию отъ строений: понеже по высочайшему Ея Императорскаго Величества имянному 1743 году июля 3 дня изуственному указу, объявленному черезъ генерала лейтенанта кавалера и бывшаго генерала полицеймейстера господина Наумова повелено никому кулачныхъ боевъ, какъ всанктъ Питербурхе - такъ и въ москве не заводить и не битца чего накрепко смотреть - главной полиции и воисполнение того Ея Императорскаго Величества Высочайшаго имяннаго указа здесь и вмоскве публикованно и сверхъ того велено наикрепчайшее смотрение иметь определеннымъ вчастяхъ афицеромъ и соцкимъ и десяцкимъ и патрулиночной команде и - ежели за кемъ то усмотрять, брать подъ карауль и представлять въ главную и московскую полиции, а ноября 26 дня присланнымъ в главную полицию от дежурнаго генерала адъютанта генерала аншефа сенатора, лейбгвардии подполковнока действительнаго камергера и кавалера Александра Борисовича Бутурлина сообщениемъ объявлено того же ноября противъ 26 числа около зимнего Ея Императорскаго Величества дому во многочисленномъ собрании людей имелся шумъ и кулашный бой при чемъ взятъ под карауль десяцкой Осипъ Матвеевъ, который при томъ стоялъ и смотрель а таковыя де сборища и кулачные бои Ея Императорское Величество высочайше повелеть соизволила исполиции запретить такожъ рогаточному караулу и объезду того накрепко надсматривать

велеть и того ради по указу Ея Императорскаго Величества въ главной полиции определено лейбгвардии вполковые и отстроений и главной артиллерии и фортификации и вманежную канцелярию и въ адмиралтейскую коллегию послать промемории, а находящимся здесь полевымъ полкамъ и полковымъ деламъ и вздешнюю гарнизонную канцелярию указы и требовать чтобъ всехъ техъ командъ служителемъ накрепко было запрещено дабы они кулашныхъ боевъ отнюдь нигде въ противность вышеописаннымъ имянныхъ указовъ не чинили а вовсе части и патрулиночные роты кафицеромъ посланы приказы и велено иметь накрепчайшее смотрение чтобъ нигде кулашныхъ боевъ не было а где появятца, то собравъ каманды техъ бойцовъ брать подкарауль и представлять в главную полицию и канцелярия отстроений благоволить быть о томъ известна и учинить по Ея Императорскаго Величества указу и куда надлежало промемории указы и приказы посланы. Декабря 5 дня 1751 г. Андрей Погановъ, Секретарь Федоръ Хрущевъ. Подканцляристъ Дмитрей Протопоповъ. Промемория. Изъ Главной полицымейстерской канцелярии вканцелярию отстроений по имяннымъ Ея Императорскаго Величества Исправительствующаго сената 1726 г. Июля 21. - 1727 г. октября 12. 1743 г. Июля 7. Июля 3-го чисель Указомъ повелено никому кулашныхъ боевъ какъ всанктъ питербурхе такъ и вмоскве не заводитъ и не битца чего на крепко смотреть Главной полицы и хотя отглавной полицымейстерской канцелярии для удержания таковыхъ боевъ неоднократно опубликовано также ввеченную канцелярию и впрочие присутственные места писано было - подтверждено дабы они вкучачки не бились и техъ боевъ не заводили подъ не малымъ штрафомъ по указамъ но токмо сего ноября 12 дня на реке Фонтанке ниже Измайловскихъ слободъ не доезжая Калинкина мосту кулашный бой разныхъ чиновъ отъ людей происходилъ на которой реке отъ народнаго собрания ледъ проломился и несколько людей потонуло того ради по указу Ея Императорскаго Величества вглавной полицымейстерской канцелярии определено въ канцелярию отстроений - послать промеморию и требовать чтобъ благоволеномъ было ведомства оной канцелярии служащимъ накрепчайше подтвердить дабы они кулашныхъ боевъ не заводили чтобъ чрезъ то какова несчастья воспоследовать не могло и что на сие учинено будетъ вглавную полицию - заизвестие сообщить и канцелярия отстроений даблаговолить учинить о томъ по Ея Императорскаго Величества Указу. Ноября 27 дня 1760-го году.- Михайла Чистовъ. Федоръ Хрущевъ.

Секретарь Николай Яковлевъ

Канцеляристъ Михайла Некрасовъ.

Копия съ протокола. По указу Ея Императорскаго Величества Канцелярия отстроений слушавъ промемории Изглавной полицымейстерской канцелярии. Поданой сего декабря 6 дня сообщавлениемъ Ея Императорскаго Величества Высочайшихъ Имянныхъ указовъ о неимении кулашныхъ Боевъ приказали: ведомства Канцелярии отстроений Санктъ петербурхскую и московскую Гофъ Интендантские, впитергофскую Стрелинского строения Троицкого Александревскаго Монастыря, Невскихъ кирпичныхъ и черепичныхъ Заводовъ вкантеры и баталионъ, на стеклянные заводы и впрочие места послать указы велеть втехъ командахъ служителемъ накрепко Запретить дабы они кулашныхъ Боевъ отнюдь нигде впротивности объявленныхъ втой промемории имянныхъ указовъ отнюдь не чинили ивтомъ темъ командомъ заонными иметь крепкое - смотрение. Декабря 10 дня 1751 году. Подлинной протоколъ заподписаниемъ канцелярии отстроений за скрепою секретаря Алексея Орлова. Протоколистъ Филипъ

Григорьевъ. Подлинный читаль писарь Козьма Кувылдинъ." (См. Общ. Арх. М - ва Импер. Дв. Оп. 74/81, д. 14).

После этого, кроме приведенного выше - Высочайшаго повеления Императора Александра I-го отъ 1823 года, вызваннаго несчастным случаем в Пирятине, никакихъ правительственныхъ мероприятий не было. Положительное воспрещение кулачныхъ боев повсеместно вошло в Свод Законов Императора Николая I только в 1832 году, без особыхъ правил и мотивов; в томе четырнадцатом, издания 1832 г. ч. IV ст. 180 - я, кратко лаконически говорит: "Кулачные бои, как забавы вредныя, - вовсе запрещаются". То же самое дословно повторено в ст. 31 изд. 1839 г., и в томе XIV, ст. 198, изд. 1842 года. Таким образом наказания, которымъ должны подвергаться виновные в неисполнении сего правила, сводятся к категории ответственностей за нарушение общественной тишины и порядка. Вплоть до издания знаменитого свода Законов, т.-е. до 1832 года, руководством для судей служило древнейшее "Уложение 1648 года" Царя Алексея Михайловича, совершенно отжившее и устаревшее. К нему присоединялись Морской и Военный Уставы Петра Великаго и Наказ Екатерины II.

Все это загромождено было неисчислимою массою различныхъ указов и повелений, которыхъ насчитывалось свыше десяти тысяч... Трудно было разбираться в такой массе узаконений, часто противоречущих одно другому, отменяющих и вновь возстановляющих отмененное. Каждый царствующий Государь издавал множество указов, особенно именных или "изоустных", как тогда они назывались - и зачастую случайных, напр. приведенный указ Императора Александра I, от 20 октября 1823 года, вызванный отдельным случаем, возбуждившим негодование гуманнаго Императора. Или указ 1726 г. о кулачных боях, идущий в разрез с предшествовавшими и последующими распоряжениями и взглядами правительства. Очень характерную и любопытную записку подал Государю Императору Александру I граф Петр Васильевич Завадовский (умерший в 1812 году) в апреле 1802 года, в ответ на запрос о причине нескорого составления законов Комиссией. Осуждая древнии законы наши, начиная с "Русской правды", и называя их "грубыми и от естественнаго разсудка удаленными и в отношении нашего веку содержащими соблазны, "а неправоту"; он, переходя к Судебнику Ивана Грознаго, говорит:

"... Судебникъ Царя Ивана Васильевича определяетъ судъ нелепейшимъ образомъ. Въ тяжбныхъ делахъ изводились тяжущиеся на единоборство или поединокъ въ присутствии суда; убивший или превозмогший своего соперника въ ополчении приобреталъ себе темъ оправдание, и удовлетворение взыскивалось съ побежденнаго. При такомъ средстве, телесныя силы, вспомошествоуемая искусством, делали виноватого правымъ, а правого виноватымъ. Въ Уложении Царя Алексея Михайловича взяты многия статьи из Судебника Иоана - и книга сия хотя полнее прочихъ предыдущихъ, но и въ оной писаны законы не для свободныхъ гражданъ, а для рабовъ. Кнутъ избранъ орудиемъ во исправление и судей и тяжущихся, и ко извлечению по делам истины былъ деятельнейшею принадлежностью суда..." [...]

В изданиях 1857, 1876 и 1890 г. свода Законов относительно кулачныхъ боев повторяется старая редакция ст. 198 свода 1842 года: "Кулачные бои как вредныя забавы вовсе запрещаются". Все, что можно сказать в заключение изложеннаго, это привести слова летописца: "...земля наша велика..." и т.д. и прибавить, что кулачные бои пережили все законы и сохранились, - для интеллигенции они приняли вид атлетической борьбы, на сценах - как платное зрелище, а в самом народе продолжаютъ невозбранно и

повсюдно, не минуя и столиц, где они повидимому должны бы стать анахронизмом; и практикуется то в тех же видах и сценах, как в седой старине, разве только не так часто и не в таких грандиозных размерах. В подтверждение сказанного приводим выписку из № 249 С.-Петербургской Газеты от 10 сентября 1908 года.

Кулачный бой "Между рабочими Нарвской заставы существует обычай в праздничные дни в виде развлечения устраивать кулачные бои. Все рабочие этой местности делятся на две партии: "Балтийскую" и "Петербургскую", между которыми и происходят кулачные бои.

Местом для этой забавы служит Бородин переулочек, примыкающий к Петербургскому шоссе. В июне со стороны балтийской партии в этот раз выступил бойцом рабочий Яковлев, а петербургская партия выставила рабочего Фуфаева" и т.д.

Примечания А.А.Лебедева:

1. Любопытно, что в общем собрании Императорского Общества Любителей Древней Письменности, 13 марта 1908 г. П.Г.Васенко сообщил о найденной им приписке в Никоновском списке Степенной книги о сожжении в 1652 г. Никоном дубинок, которыми бились буйные новгородцы на кулачных боях (Н. Вр.) Известно, что обе заречные стороны новгородцев бились обыкновенно на мосту через Волхов при разных недоразумениях; вероятно в таких случаях пускались в ход и дубинки, но никак не на боях кулачных. [...]

2. Пыляев. Стар. Петерб. Изд. 1889 г., стр. 423.

3. Забелин. Истор. гор. Москвы. 1902., стр. 137 - 140, 154 - 158, 163.

4. Карамзин. Ист. изд. 1892 г. т. VI, примеч. 609.

5. Собр. Госуд. грам. и догов. т. 2, стр. 41.

6. Собр. Госуд. грам. и догов. т. 2, стр. 40

7. См. Судебн. Ив. Вас. стат. 9 - 20 и Собр. Пам. по истории древ. права. Спб. 1859 г. стр. 169, 179, 190 и 200.

8. Об одном таком бойце упоминает Карамзин. История, т. VII, изд. 1892 г., стр. 226.

9. Еще в Кормчей от 1274 г. (на соборе, созванном митр. Кириллом), постановлено: безчинных игр и поединков не совершать "да изгнани будутъ отъ сыновъ Божьихъ, аще ли нашему закону кто противится: ни приношения отъ нихъ принимати, рекше просфуры и кутии, свечи... аще же умереть, къ симъ иерей не ходитъ и службы за нихъ не творить..." а убитые: "прокляты и въ сей векъ и въ будущий". См. Рус. Достоп. т. I, стр. 106. Толстой. Ист. Рус. Цер. Мос. 1887 г., стр. 98. Филар. Черн. тоже, Мос. 1888 г., стр. 115.

Митрополит Фотий в послании к новгородскому архиепископу Иоану, в 1410 году пишет, что позванные в поле лишаются в течении 18 лет причастия и креста, от церкви отлучаются, а убитые лишаются погребения. Акты Археогр. Экспед. т. I, № 461. Возставал против поединков исв. митрополит Петр. См. Пам. Старин. Рус. литер. изд. Кушелева-Безбор. т. IV, стр. 186. Максим Грек, Сочин. т. 2, стр. 202. С особенной силой против поединков вооружался митрополит Данниил (1532 - 1539), осуждая их как явление не христианское. В слове XII он говорит: "мало нечто укорившаго тя или досадившаго в напасть хочещи воврещи и смерти предати!.. и не точию симъ (наставлениемъ Апостольскимъ) не повинуешися, но не слышати сихъ не хочещи, но себе отмщяя сваришися, поля сотвориеши, убиваеши, и како христианинъ нарицаешися супротивное творя, обещаю твоему, еже в св. крщении". См. Чтен. в Импер. Об. Ист. и Древ. Рос. 1881 г. кн. 2, Жмакин. Митр. Дан. и его соч. ч. 2, стр. 607 и прил. стр. 16.

10. Издававшихся в виде указов с 1550 - 1580 г. "Онъ запретилъ судебные поединки во всехъ случаяхъ... уничтоживъ на веки сие древнее обыкновение". Новый Судебник был общею книгой законов, до царств. Алексея Михайловича. Карамз. Истор. т. IX, стр. 279, 281, 184 и др.